

Вероника Якжина

КХАРНЫ

Веками они защищали крепость.

А крепость защищала их

18+

Вероника Якжина

Кхарны

<https://litres.ru/74302948>

SelfPub; 2026

Аннотация

Жуткие чудища, что выползли из горных расщелин и пещер и мгновенно стали угрозой для поселений. Острые зубы, жуткие лапы, блестящая черная кожа. В схватках с ними еще никому не удавалось уцелеть.

Главная героиня с позывным Горец в составе отряда военных прибывает на защиту особенной крепости.

Смогут ли люди противостоять невиданным чудовищам?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

22

Вероника Якжина

Кхарны

Невиданные твари выползли из горных расщелин и пещер и мгновенно стали угрозой для горных поселений. Последние полгода были непростыми для людей. Пришлось быстро учиться жить в условиях постоянной угрозы, искать способы защиты от незнакомого науке вида, который оказался жестоким и кровожадным.

Странные животные напоминали ящериц размером с крупную собаку, с гладкой черной кожей, ослепительно блестящей на солнце так, что было видно издалека. Пробить ее могло только охотничье ружье, или что посерьезнее. Чудища перемещались на восьми мощных лапах с цепкими когтистыми пальцами, которые помогали им легко карабкаться даже по абсолютно вертикальным склонам. Обе огромные челюсти были подвижными, что позволяло разинуть рот почти на сто восемьдесят градусов, а значит откусить от вкусных человечков как можно больше. Внутри пасти скрывались ряды тонких, острых, как иглы, зубов.

Остальные описания разнились и были не особо достоверными, так как сообщались либо с высоты дронов, либо из уст до смерти перепуганных, чудом выживших после нападения. Кто-то говорил о том, что у них крошечные глаза без зрачков, ученые связывали это с тем, что создания жили в кро-

мешной темноте и вместо зрения ориентировались на звук, ультразвук, вибрации, тепло.

На подошвах у них располагались железы с каким-то нейротоксином. Все, кого они хватали, теряли контроль над своим телом и не могли сопротивляться. Так же лапами они метили территорию, очевидно используя эти же самые железы. На камнях и траве оставались черные следы, к которым людям не стоило прикасаться.

Ученые нарекли их спелеоморфами¹. Жители гор дали чудищам имя «кхárны», звучало гортанно, резко и позволяло быстро предупредить остальных об опасности. Иногда звали просто «черными многолапами», не очень изобретательно, но в целом просто и понятно с точки зрения внешности.

Истории о чудищах быстро обрастали байками еще более дикими, чем сам факт их существования. Болтали, что они вылезли из ядра Земли, или, наоборот, прилетели из космоса. Кто-то даже слышал, что они заставляют животных «работать» на них: например, хищники приносят чудищам добычу или птицы переносят их на себе на дальние расстояния. Конечно, никто не мог предоставить никаких доказательств этой болтовне. Однако, и опровергнуть пока возможности не было.

Лишь единичные поселения умудрялись чудом отбиться от нападавшей стаи спелеоморфов, которые могли действо-

¹ Спелеоморф — от слов «спелео» — «пещера», и «морф» — как неизведанная еще «форма жизни»

вать группами по двадцать особей. Поэтому правительство страны приняло решение отправить в наиболее уязвимые поселения и крепости отряды военных для защиты местного населения.

Так я со своим отрядом оказалась в старинной крепости, некогда княжеской, а ныне в сельскохозяйственном поселке особого культурного значения.

Местное население было немногочисленным и состояло в основном из людей среднего возраста и старше. Сюда приезжали те, кто устал от шума больших сел и суеты взрослой жизни, чтобы посвятить себя сбору и переработке особенных ягод, которые росли только в этих краях. Поскольку место было уникальным, сюда часто возили экскурсионные группы. Несмотря на тревожные времена, идея пользовалась успехом — кому не понравится спать под открытым небом в древней крепости в окружении красивейших гор.

Наш отряд прибыл ближе к вечеру. Необходимо было разведать обстановку, подготовить туристов к срочной эвакуации, обезопасить культурное достояние. Крепость на высоте, на самой границе хребта — лакомый кусочек для кровожадных тварей. Пока еще не было известно ни одного случая, чтобы спелеоморфы спускались ниже определенной высоты, но никто не мог быть уверен, что эта идея не придет в их огромные зубастые головы.

Стоило нам войти на территорию крепости, по которой так легкомысленно разгуливали туристы, я встала как вко-

панная, увидев такое знакомое, почти родное лицо.

— Да твою мать, ты издеваешься, — простила я.

Капитан глянул на меня удивленно, но тут же понял, в чем дело, когда к нам подлетела моя подруга и стиснула меня в медвежьих объятиях.

— А-а-а! Моя красотка в сексуальной униформе, — взвизгнула она.

— Какого хрена ты тут делаешь? — я старалась звучать грозно, но широкая улыбка от радостной встречи скомкала этот эффект.

— Я тут с группой! — она отступила на шаг и обвела рукой крепость.

Я прикрыла глаза, борясь с подкатывающим страхом. Конечно, я знала, что подруга возит экскурсии по обителям древних князей. Но я заставила себя поверить, что она не суется в горы.

— Сверху поступил свежий приказ — убрать гражданских из горных крепостей. Мы здесь за этим.

Я перевела взгляд на капитана.

— Но в этих районах кхарнов еще ни разу не видели. Скажите, командир! — Подруга попыталась найти поддержку.

— Не видели. Но мы не можем быть уверены, что так и останется. И приказ это точно не отменяет. Завтра вам придется уехать. Прямо на рассвете.

Она игриво насупилась, но согласно кивнула.

— Я сообщу всем. — Она сжала мою руку и широко улыб-

нулась. — Но я так рада тебя видеть!

Я чуть оттаяла и обняла ее.

— И я тебя, — шепнула с теплом.

Взгляд привычно метнулся по территории и остановился на еще одном знакомом лице. Я окаменела.

Прижав руки к груди, с трудом сдерживая дрожь в подбородке, с увлажнившимися глазами стояла моя мама.

Уйма противоречивых эмоций вышибла из меня дар речи. Одновременно хотелось выть от досады, бежать к маме на ручки, материть от злости этот чертов опасный мир. Подруга проследила за моим взглядом. Я ощутила, как она напряглась, опасаясь моей реакции.

— Она очень хотела на экскурсию, — тихо начала подруга. — Разве я могла ей отказать?

Я подошла к маме и осторожно обняла, чтобы не придавить весом разгрузочного жилета, не поцарапать навешенным снаряжением. Конечно, сразу начались слезы. У нее — от счастья, что видит меня целой и невредимой, у меня — от проснувшейся рядом с близкими внутренней маленькой девочки.

Я услышала, как к нам приблизились шаги командира. Он знал мою маму, подошел поздороваться, и атмосфера резко сгустилась.

— Товарищ старший лейтенант, рада снова видеть, — с

уважением заговорила мама, шмыгая носом. — О, да вы уже капитан!

— Так точно, — бодро отдал честь командир. — Рад встрече. Младший лейтенант, — обратился он ко мне, — на пару часов вольно. Нечасто выпадает такая возможность.

— Но...

— Отставить «но». Выполняйте приказ, — он лукаво улыбнулся.

Я отдала честь.

— Так и сохнет по тебе? — прошептала подруга, беря меня под руку, когда он отошел на приличное расстояние.

— Угу, — с ноткой грусти ответила я.

— Заметно, — вздохнула подруга. — Ну а ты? Совсем-совсем никак?

Я смотрела на него, а он обернулся на нас. Высокий, красивый и мужественный, подтянутый, будто с агитационного плаката. Он был на десять лет старше меня, его темные волосы на висках уже тронула седина. Вокруг его синих глаз раскинулась сеть морщин, а смуглая кожа, обожженная горячим солнцем, покрылась россыпью мелких пигментных пятен, напоминавших веснушки. Квадратный волевой подбородок был всегда гладко выбрит, а горбатый нос придавал сходства с местными.

Мы служили в одной части, и поначалу он не был моим командиром. Мы часто подолгу разговаривали, и обоим стало ясно — мы нравимся друг другу. И очень. А потом меня

перевели в его подчинение. Я хотела отказаться, но не знала, как сделать это, не подставив его. И мы приложили все усилия, чтобы ни на долю секунды ни один из солдат не заподозрил неладного между нами. Он орал на меня, как и на остальных, иногда громче, как на офицера, на котором больше ответственности, чем на рядовых. Порой мне даже казалось, что у него все прошло.

А потом случался какой-то взгляд. Вроде того, как сейчас. И я понимала, что он все еще носит это внутри. Как и я. Мы отдавали Родине наши годы, наши жизни, наши чувства. Без остатка. Без сожаления. Потому что было что-то большее, чем я и он. И так считали мы оба.

— Нельзя. Пока мы оба в армии, тем более, пока он мой командир.

— А если ты уйдешь?

Я покачала головой.

— Не могу. Пока не могу. Тут мое место. И пока есть эта опасность со стороны спелеоморфов, тоже не вариант. Хочу медаль за вклад в их изучение или уничтожение.

Мама крепко сжала мою руку и в который раз упрекнула в моем выборе деда-десантника, чье армейское фото всегда было со мной как один из талисманов.

— Но вы с командиром отдаете друг другу честь? Ну хотя бы время от времени, — игриво поддела подруга.

— Иди ты, — я беззлобно пихнула ее локтем.

Она звонко рассмеялась, затем хлопнула в ладоши и ско-

мандовала:

— Все, девочки, давайте без этих сантиментов. У нас всего пара часов. Давайте покажем нашему солдату, как удивительно это место.

Я метнулась к машинам, возле которых сновали солдаты, разгружая снаряжение, ставя палатки и разворачивая узел связи. Ребята сказали, что вещи пока можно оставить в одном из домов, принадлежавшем двум старушкам, которые обитали в крепости уже более сорока лет и знали об этом месте больше, чем кто бы то ни было. Там я стянула разгрузку, бронежилет и куртку, оставшись в форменных камуфляжных штанах, футболке, берцах и кепке. В условиях, когда вокруг были солдаты и в любой момент можно было ожидать нападения с гор, я чувствовала себя почти голой, но все равно было приятно стянуть тяжелое снаряжение хоть ненадолго. Натянула портупею-оперативку с кобурой, прикрепила рацию на пояс.

На выходе из дома я столкнулась с командиром. Врезалась в него прямо на полной скорости. Рука рефлекторно метнулась к кобуре, но реакция капитана была быстрее. Он остановил меня, схватив за руку ниже локтя. Он был в кожаных митенках, а значит, пальцы его коснулись голой кожи, вызвав у меня мурашки. Он застыл, быстро поймал мой взгляд (отчего меня обдало волной жара), сжал руку чуть сильнее и чуть дольше положенного — и отпустил.

Я вернулась к девочкам, встревоженная, чувствува-

ла предательский румянец на щеках и неконтролируемую улыбку в уголках губ.

Подруга отвела нас с мамой на самую высокую башню, которую использовали как смотровую площадку. Вид с нее открывался поистине невероятный. Вокруг расстилались горы и холмы. Та часть меня, что не была военной, знавшей, что в горах опасно, так как удобно в них устраивать засады, любила горы безумно. Жила ими. Поэтому, даже не особо веря в кого-то, сидящего на небесах и приглядывающего за нами, я нередко молилась, чтобы в горах с нами не произошло ничего серьезного. Молилась, чтобы я могла сохранить в сердце любовь и восхищение перед каменными глыбами, напоминающими спины дремлющих древних животных.

Я затаила дыхание, впуская в себя силу этого места. Серые, зеленые, сине-сизые склоны разной крутизны и высоты обрисовывали вокруг нас удивительной красоты узор.

— Вон дорога, по которой вы приехали, — показала подруга.

По рации я сообщила капитану, что башня — идеальное место для размещения дозорного.

Мы спустились, и подруга провела нас к зарослям лилово-синих ягод, растущих на низких кустах небольшими гроздьями.

— "Княжеские слезы", — представила она тот самый редкий сорт. — По легенде, когда последний князь был вынуж-

ден покинуть крепость, он оглянулся и уронил слезу, оплакивая свой дом. И на месте, куда упала слеза, выросли эти ягоды. Таких больше нет нигде. — Подруга сорвала две маленькие грозди и вложила по одной в ладони маме и мне. — Они сейчас еще горькие и плотные. Им нужны холодные температуры. Как только начнутся ночные заморозки, они станут кисло-сладкими и очень ароматными.

Я закинула в рот ягоды и распробовала их вязкость, немного поморщилась от горечи, а потом удивленно приподняла брови.

— Отдает сосновой шишкой.

Подруга кивнула.

— Да, и хвойный привкус, учитывая, что хвойных растений в округе нет вообще — это одна из особенностей. Они дико полезные, там сумасшедшее количество антиоксидантов, для молодости хорошо. Поэтому местные дамы такие бодрые, употребляют этот деликатес уже почти полвека. Листья сушат и пьют как чай. Если честно, жуткое варево, пахнет резко и неприятно, но в целом привыкнуть можно. Из ягод тут делают настойки и варенье. Рецепты не записывают, передают из уст в уста, только тем, кто заслужил доверие. Поэтому крепость так ценна. Это уникальное культурное наследие.

Я огляделась.

— Поэтому мы здесь. Чтобы защитить его, если понадобится.

Я так увлеклась любованием и болтовней с близкими, что, конечно, пропустила отведенное мне время. Я неслась к дому, где оставила вещи, надеясь, что командир ничего не заметит.

Но он был внутри и наорал на меня.

— Чего расслабилась, офицер? Соберись, будь внимательна. У тебя причин смотреть в оба сейчас больше, чем у многих. Наряд тебе, как салаге. Еще раз — и получишь выговор.

Я отдала честь и с ухмылкой проследила, как он выходит. В дом вошла моя подруга.

— Надо же, как строжится, — поддела она, мечтательно растягивая слова.

Я лишь закатила глаза и стала натягивать бронежилет.

— Видала? — она показала на окно, выходящее во двор крепости. — За мамой твоей ухлестывает. В зятя набивается. Милый он.

Я представила капитана в бою, с безумным взглядом, забрызганного кровью, измазанного копотью и землей, орущего как не в себя, при этом холодного и жесткого.

— Прекращай.

— Мама твоя переживает. За тебя. За вас.

— Со мной все хорошо будет. Я ж дедом заговоренная.

— Ты видела взгляд своей мамы каждый раз, когда ты это говоришь?

Мы расхохотались.

— Да уж. Будь дед жив, ох и получал бы он от нее за всю

эту армейскую историю.

— Ты себе не представляешь, как я рада, что мы встретились, — она сжала мою руку. — Я повсюду вожу с собой небольшой подарок для тебя.

— О, вручай.

Подруга знала, что я, далекая от ярлыка верующей, очень сильно любила талисманы и обереги. У меня их было несколько: дедовское фото, жетон, три года назад принявший на себя пулю, плетеные браслеты из разных сел, где мы базировались за время службы, мамины четки, повязка на пояс, которую соткала моя подруга.

— Это «куриный бог».

— Чего? — засмеялась я, но заткнулась под строгим взглядом подруги.

— Я его нашла на берегу моря, во время последнего отпуска. Видишь, это просто галька, но у нее дырочка внутри, нерукотворная. Я прочитала, что «куриный бог» защищает, дарует твердость духа, удачу и смелость. А если ты посмотришь через дырочку, то исполнится желание. Можешь посмотреть на капитана, но это уже дело твое.

Я покрутила в пальцах обычный морской камень, гладко отточенный соленой водой, с аккуратной дырочкой посередине.

— Спасибо.

Я крепко обняла подругу.

— Нет, ну в этом бронежилете ты просто секс-бомба!

Вечерами местные вместе с гостями крепости ужинали на главной площади за одним большим деревянным столом, сколоченным давным-давно и наверняка видевшим сотни разных людей. Солдат пригласили присоединиться. Командир устроился во главе стола и перед началом ужина объяснил гражданским, что им придется завтра покинуть крепость. Гости, которые за пару дней уже увидели здесь все, что можно, не слишком сопротивлялись. А вот обитатели и служители крепости, особенно старожилы, начали громко возмущаться. Старейшина заявил, что не покинет пределы крепости даже после смерти, ведь он написал завещание, чтобы его обязательно похоронили здесь, под ее стенами. Командир холодно заявил, что готов заключить пари, ведь вне всяких сомнений старейшина покинет завтра территорию крепости вполне себе живым, даже если придется его связать.

Спор длился почти час. Голодные утомленные туристы скучали, тайком таская с общих блюд овощи и куски приготовленного мяса. Наконец моя подруга извинилась и предложила компромисс: оставить в крепости старожилы, не желающих покидать свой единственный дом и обязанных защищать культурное достояние. А остальных отправить вниз, в город.

Капитан долго думал, потом перевел на меня вопросительный взгляд. Мне показалось, что он немного в замешательстве, ведь не ожидал такого напора со стороны гражданских. Я чуть кивнула, отдавая свой голос в пользу этого пред-

ложения. Старожилы его охотно поддержали. Придя к соглашению, наконец приступили к еде. Солдаты по привычке ели быстро, и я, конечно, тоже. Но командир, от которого я сидела по правую руку, тихо буркнул не торопиться. Удивившись, я все же стала жевать медленнее.

Все постепенно стали расходиться спать. Стол опустел, остались лишь я, командир, моя мама, которая села рядом со мной, подруга и старейшина. Капитан достал из-под стола бутылку, запечатанную сверху льняным лоскутом.

— Как насчет местного специалитета, дамы? — широко улыбнулся капитан.

— Ты, капитан, у местных отобрал, что ли? — в отсутствие других солдат я легко перешла на полуофициальный тон.

— Выменял, — подмигнул мне командир.

— На свое обаяние?

Этот день расслабил и меня, я совершенно забыла про субординацию. Нервно откашлявшись, я извинилась.

— Виновата.

— Отставить, — добродушно усмехнулся он. — Все свои.

Подруга под столом многозначительно пнула меня по ноге, на что я ответила ласковым взглядом "отвали".

— Осторожно, в этой штуке почти тридцать градусов, — предупредила подруга и включила профессиональный голос. — Настойка из ягод «княжеские слезы». Местные считают, что настойка очищает разум и отгоняет дурные сны. Обрати-

те внимание, как запечатано. — Она отняла у командира бутылку и показала нам. — Стеклянная бутылка закупоривается корковой пробкой, затем закрывается льняным лоскутом, перевязывается шпагатом, который плетут из лозы этих ягод. А сверху заливается воском высокогорных пчел, на воск ставят княжескую печать.

Мы с мамой и командиром принялись рассматривать печать.

— То есть, от князей прям осталась?

Подруга кивнула.

— А на чем настаивают? — спросил командир, осторожно откупоривая бутылку, в которой плескалась красивая прозрачная жидкость лилового оттенка, на закате приобретая просто сказочный вид.

— Сами гонят спирты на горном ячмене и меде тех же пчел. Несколько очисток до кристальной прозрачности. Такая бутылка может попасть только в столицу. Или только по рукам. В столице стоимость — как однушка на севере.

— Капитан, а для меня выменяете бутылочку? — нюхая жидкость, пахнущую сладостью и хвоей, спросила мама.

— Мадам, для вас хоть весь урожай.

На вкус настойка оказалась мягкой, сладковато-горькой. По пищеводу разлилось тепло, а ноги вдруг отяжелели и приросли к земле.

— Ого! — выдохнула я, не привыкшая к алкоголю.

Капитан придвинул ко мне тарелку с ломтиками овечьего

сыра с травами.

— Закусывай. Не хватало мне еще офицера в пьяной отключке.

Голос из всех сил старался звучать строго, но глаза говорили о заботе. А может, это так казалось через лиловую призму настойки.

Я выпила еще две рюмки, съела целую тарелку сыра и начала клевать носом. Девочек тоже заметно развезло, и капитан, выпивший почти полбутылки и кристально трезвый, выждался их проводить.

Я обняла маму и подругу. Последняя, прежде чем пожелать мне спокойной ночи, шепнула, чтобы я не тупила с командиром.

Когда троица ушла в сторону домов, я попыталась встать, но ноги, сраженные настойкой, подвели, и я рухнула обратно на скамью, посмеиваясь.

Сидя спиной к столу, облокотилась на столешницу и подняла лицо в небо. Рядом раздались такие знакомые шаги.

— Капитан, ты видел, какие тут звезды?

— Я постоянно смотрю в небо.

— Это не значит, что ты их видел.

Он вздохнул, остановившись рядом.

— В самом деле, не значит. Не видел ни разу. Не до звезд все, сама знаешь.

Я перевела взгляд, на командира. Он смотрел прямо на меня, я чувствовала это в полумраке крепости.

— А ты посмотри. Где еще такое увидишь, — тихо попросила я. — Посмотри. Потом вспоминать такую ночь будем.

Он невесело хохотнул.

— Я немножко в говно сейчас, поэтому осмелюсь сказать. Но завтра, если ты спросишь, буду отрицать, что говорила нечто подобное.

Он засунул руки в карманы, настраиваясь на то, что я скажу.

— Мне жаль, — на большее смелости не хватило.

Но капитан и так все прекрасно понимал. Понимал гораздо больше, чем хотел.

— Мне тоже, младший лейтенант.

Я встала и, шатаясь, сделала несколько неуверенных шагов. Проходя мимо, задела пальцы командира своими. Нарочно. А он в ответ задел мои. Нарочно.

Я ввалилась в казарму, установленную из переносного шатра, надеясь, что двигаюсь бесшумно. Рухнула на койку и вырубилась в мгновение ока.

Утром еще затемно я поднялась на смотровую башню и сменила ночного часового. Пристально осматривала медленно светлеющее небо и темные силуэты горных пиков, очерившихся в злобном оскале. Не мигая вглядывалась в темноту, чтобы не пропустить ни одного движения, ни одного возможного блика. Сложно не терять концентрацию часами, но, когда знаешь, что от этого зависит жизнь твоих солдат, а сейчас еще и жизнь близких, то расслабляться просто не

хочется. Страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.